

P. Durst-Andersen. Bag om sproget. Det kulturmentale univers i sprog og kommunikation.
København: Hans Reitzels Forlag, 2011. 200 s.

Название рецензируемой книги известного датского лингвиста-типолога Пера Дурст-Андерсена можно перевести как «По ту сторону языка. Культурно-ментальная вселенная в языке и коммуникации». Перед нами целостная теория, направленная на построение типологии грамматической семантики языков мира.

Книга убедительно демонстрирует продолжение традиций Копенгагенской лингвистической школы в лице таких ее представителей, как Луи Ельмслев и Вигго Брендаль: интерес к соотношению языка и мышления, построение универсальных систем лингвистического описания, системно-структурный подход к анализу материала, жесткую логику межуров-

невой организации материала в целостности его структурных взаимосвязей. Вместе с тем теория П. Дурст-Андерсена находится и на передовом крае современного коммуникативного и когнитивного направления лингвистических исследований, восходящего – в датской лингвистической традиции – к философско-культурологическому осмыслению языка, заложенному в трудах Отто Есперсена.

Монография состоит из семи глав, предваряемых введением, важным для понимания целостного замысла.

Базовым для книги является понятие «культурно-ментальной вселенной»: культура и национальное сознание входят в плоть и кровь

его носителей через родной язык, по-особому настраивающий не только их мозг (когницию), но и их сенсорное восприятие (перцепцию) и то, как они организуют речевое общение (коммуникацию).

Любая коммуникация включает трех участников, а именно, говорящего, слушающего и действительность. Основной тезис книги состоит в том, что языки можно подразделить на супертипы в зависимости от того, насколько грамматическая система того или иного из них настроена на отображение (1) объективной реальности, одинаковой для говорящего и слушающего, (2) восприятия ситуации говорящим, (3) восприятия ситуации слушающим. В качестве примеров языков, ориентированных на реальность, автор рассматривает русский язык, китайский язык и хинди. В качестве языков, ориентированных на говорящего, в книге приводятся болгарский, грузинский и испанский языки. В качестве языков, ориентированных на слушающего, исследуются датский, шведский и английский языки. Автор показывает, что общение на английском языке как *lingua franca* неизбежно влечет за собой трансфер культурно-ментальной вселенной родного языка, что проявляется в системности речевых ошибок в английском языке со стороны представителей того или иного языкового супертипа. Анализ системных расхождений между языками разных супертипов на разных уровнях грамматической семантики посвящены отдельные главы книги.

Первая глава называется «Язык и предметы». Именованию предметов в широком смысле слова служит класс существительных. Автор предлагает подразделять их на природные предметы (натурфакты), предметы, созданные человеком (артефакты) и ментальные предметы (ментефакты). Последние подразделяются на чувства «любовь», понятия «настойчивость», идеи «демократия». Важное развитие П. Дурст-Андерсеном идеи Ф. де Соссюра о двусторонности языкового знака состоит в том, что план содержания в свою очередь также имеет две стороны: *визуальное* (*billedmæssigt*) и *понятийное* содержание (*idemæssigt indhold*). То есть план содержания представляет собой конгломерат перцептивной «картинки» и когнитивной «идеи», например, говоря «ребенок», мы активизируем визуальное представление о том, как типично выглядит ребенок, и одновременно идею «человек, не достигший взрослого возраста». «Картинка» в свою очередь обычно представляет собой фигуру (движущуюся или неподвижную) на определенном фоне.

Сравнивая соотношение визуальной и понятийной составляющих в именовании одних и

тех же денотатов в разных языках, автор приходит к выводу, что различия системны и отражают специфический для данной языковой культуры способ восприятия мира. Так, сравнивая датский язык с французским, он замечает, что французский тяготеет к именованию более конкретного визуального содержания, а датский – более абстрактного понятийного содержания. Ср. обозначение различных видов спортивных площадок во французском, где (так же как и в русском) для каждого типа денотатов имеется специальное слово: *terrain (de golf)* «поле (для гольфа)», *court (de tennis)* «(теннисный) корт», *piste (de patinage)* «дорожка (для бега на коньках)». В датском языке для любого типа спортивных площадок используется обобщающее понятие соответственно: *golfbane*, *tennisbane*, *skøjtebane*.

Общая закономерность именования для китайского языка состоит в том, что, по наблюдениям автора, в нем типично объединяются оба компонента смысла – визуальный и понятийный. Так, сложные и абстрактные значения, типично выражаются двусложными словами, при этом первый слог называет нечто визуальное, тогда как второй соотносится с более абстрактным понятием, например, слово *bāokuò* «включительно» состоит из двух слогов, первый из которых обозначает конкретное действие «упаковывать», а второй – абстрактное действие «включать».

Глава вторая носит название «Язык и ситуации». Именованию ситуаций в широком смысле слова служат глаголы. Исходя из двойственности плана содержания, автор предлагает стройную и последовательную классификацию типов ситуаций. Ситуации подразделяются на простые (визуализируемые как одна ментальная картинка) и комплексные (две ментальные картинки). Простые ситуации в свою очередь подразделяются на два типа: состояние (картинка, где фигура стабильна) и деятельность (фигура нестабильна). Примером состояния может служить ситуация, задаваемая глаголом *сидеть*, а примером деятельности – ситуация, задаваемая глаголом *ползать*. Комплексные ситуации также подразделяются на два типа: процесс (деятельность, имеющая своей целью состояние) и событие (состояние, обусловленное деятельностью). Примером процесса может служить ситуация, задаваемая глаголом *вставать* (деятельность, результатом которой является состояние *стоять*). Примером события может служить ситуация, задаваемая глаголом *встать*.

Такие языки, как датский и английский, не имеют особых глаголов, различающих процессы и события. Датские глаголы *give*, *fortælle*, *overbevise*, *berolige*, как и соответствующие

им английские, объединяют в своей семантике сразу и деятельность, и состояние, возникающее в ее результате, то есть подразумевают сразу 'давать и дать', 'рассказывать и рассказать', 'убеждать и убедить', 'успокаивать и успокоить'. Такие глаголы П. Дурст-Андерсен называет «глаголами действия» (*handlingsverber*) и считает их языковыми конструктами, ментальной абстракцией, объединяющей в одном глаголе существующие в реальном мире состояния и процессы. «Славянские языки именуют только те ситуации, которые можно увидеть и потрогать, – действие же нельзя увидеть, хотя можно наблюдать процесс или событие» (с. 43). Таким образом, согласно П. Дурст-Андерсену, четыре перцептивных типа ситуации задают всего три типа когнитивных пропозиций, которым соответствуют предикаты состояния, деятельности и действия.

Предлагается стройная классификация предикатов¹ каждого из трех типов. Предикаты состояния подразделяются на: 1) предикаты локализации (*стоять*), 2) обладания (*иметь*), 3) восприятия (*видеть*) 4) качества (*бояться*). Предикаты деятельности подразделяются, соответственно, на: 1) локативно обусловленные (*ползать*), 2) посессивно обусловленные (*руководить*), 3) перцептивно обусловленные (*наблюдать*), 4) качественно обусловленные (*плакать*). Соответствующие типы выделяются и в предикатах действия.

В заключительной части главы обсуждается, как актуализируемые в том или ином языке противопоставления «состояния и деятельности», «события и процесса», «действия и не-действия» отражаются в синтаксисе языков активного, эргативного и аккузативного строя, а также в аспектуальных оппозициях, представленных в разных языках.

Глава третья «Язык и восприятие» посвящена сопоставлению функционирования глаголов местоположения в разных языках. Выбор глагола позволяет понять, как тот или иной языковой коллектив видит стабильную ситуацию, когда фигура стоит / лежит / сидит / висит по отношению к фону.

Так, русскому предложению с глаголом вертикальной локализации *Дом стоит на углу* соответствует датское *Huset ligger på hjørnet* с глаголом горизонтальной локализации, и английское *The house is at the corner*, с глаголом

существования, точно так же, как глагол существования оказывается предпочтителен во французском, итальянском и испанском. Речь идет о том фокусе восприятия ситуации, который ребенок усваивает из речи взрослых. Точно так же датский и английский ребенок усваивают, что, когда человек говорит об обладании или потребности, он рассказывает о себе: *Jeg har en dukke, Jeg har brug for penge*, а русский ребенок, наоборот, усваивает, что, говоря о потребности или обладании, человек рассказывает не о себе: *У меня есть кукла, Мне нужны деньги*. Когда русский говорит о городе, горé, корабле, полку, цене или температуре *стоит*, а датчанин употребляет с соответствующими существительными глагол *лежит*, то объяснение этому кроется в приоритетности фокуса либо на «фигуре» (прототипически вертикальной, как человеческая фигура), как это имеет место в русском языке, либо на «фоне» (прототипически горизонтальном, как поверхность земли), как это имеет место в датском языке, тогда как английский абстрактно регистрирует существование отношения между фоном и фигурой. Сходную с русским языком стратегию именования «от фигуры к фону» автор усматривает и в китайском языке. Фокус внимания к фону в датском языке усиливается ориентацией датского языка на слушателя, поэтому для этого языка столь важна обязательная пространственная ориентация говорящего относительно слушающего, выражаемая глагольными частицами: *Hvor er du henne? – Jeg er ovre / henne / nede / oppe / inde / ude hos Peter. Ты где? – Я (напротив / рядом / внизу / наверху / внутри / снаружи) у Петера*.

Тонкое наблюдение автора заключается в том, что соотношение фокусировки на фоне и на фигуре противоположно, когда речь идет о стратегии именования (*naming*) и о стратегии презентации (*framing*). Последняя наглядно проявляется в строении инициальных предложений текста, порядке написания адресов и назывании своего полного имени при знакомстве. Во всех этих случаях русский и китайский языки строят высказывание от фона к фигуре, тогда как английский и датский – от фигуры к фону.

Глава четвертая «Язык и когниция» посвящена исследованию того, как языковое сознание перерабатывает визуальные стимулы. Согласно теории автора, существует три стадии переработки визуального стимула. Сначала происходит восприятие (*oplevelse*) определенного состояния (*tilstand*), затем его понимание (*forståelse*), реконструирующее предшествующее ему событие (*begivenhed*) и, наконец, воспоминание (*erindring*) об этом состоянии, заключающее в себе два типа со-

¹ В тексте книги автор везде говорит не о предикатах, а о глаголах, хотя реально приводит примеры предикатов, например, иллюстрацией качественно обусловленных глаголов состояния служит предикат *be afraid*, а иллюстрацией локативно обусловленных глаголов действия – предикат *walk to*.

держания: визуальное в виде ментальной «фотографии» итогового состояния и понятийное как реконструкцию произошедшего события. Эти соображения служат основой для уточнения семантики форм датского перфекта и имперфекта. Согласно П. Дурст-Андерсену, их когнитивное различие состоит в том, что формы перфекта (*har stjålet*) представляют собой воспоминание о событии, сохраненное в «актуальной памяти» (дословно на 'складе настоящего времени', *nutidslager*) в виде ментальной фотографии итогового состояния, тогда как формы имперфекта (*stjal*) представляют собой воспоминание о событии, сохраненное в «неактуальной памяти» (дословно на 'складе прошлого', *fortidslager*) в виде ментального фильма. Сравнивая датскую темпоральную систему с русской, автор подчеркивает, что датские темпоральные формы автоматически соотносятся только с событием, тогда как в русском языке одни формы соотносятся с событием (совершенный вид), а другие – с процессом (несовершенный вид).

Глава пятая «Язык и коммуникация» обсуждает тему межкультурной коммуникации. Сравнивая примеры перевода метонимических высказываний из газетно-публицистических и юридических текстов с английского языка на датский и русский, автор приходит к выводу, что, хотя метонимия и является универсальным стилистическим приемом, именно в русском языке в ряде случаев оказывается необходимыми более развернутые формулировки, точнее передающие реальную ситуацию. Датский и английский языки, напротив, чаще прибегают к метонимиям (типа *Буш и Блэр застряли в Ираке*), опираясь на фоновые знания адресатов. Эта же тенденция наблюдается в терминологии. Ср. дат. *Miljøministeriet* (дословно '*среда-министерство'), тогда как на русский это переводится как «Министерство защиты окружающей среды».

Обсуждение языковых ошибок, индуцированных системой родного языка при описании по-английски одних и тех же сценариев носителями датского и испанского языка, позволяет сделать ряд любопытных выводов о том, как по-разному заключается и прерывается коммуникативный контракт в датской и испанской языковой культурах. В испанском английском больше прямых императивов с оговорками, предоставляющими свободу выбора адресату. В датском английском больше косвенных побуждений. При этом в английской коммуникации датчанам явно недостает ресурса датских модальных частиц, четко маркирующих отношения между коммуникантами, а также различные типы побуждения, такие как разрешение, просьба, приказ, предложение и пр.

Глава 6 «Язык и семиотика» посвящена обобщению семиотических особенностей каждого из трех устанавливаемых в книге языковых супертипов. Языки, ориентированные на действительность, нацелены на вербализацию тех аспектов денотативной реальности, которые являются общими для говорящего и слушающего в силу того, что одинаково воспринимаются их зрением, слухом, обонянием, вкусом, ощущениями. Зрительно ситуация воспринимается только как протекающий перед глазами «процесс», либо как результат предшествующего процесса – «событие». Именно эта дистинкция выражается в противопоставлении несовершенного и совершенного вида, что имеет место в русском языке, китайском и хинди. При этом, по утверждению автора, ни один из названных языков не способен вербализовать такой ментальный конструкт как «действие», одновременно соединяющий в себе идею и процесса, и результата. Различие же между ними состоит в том, что для русского языка устанавливается «перфективная временная перспектива» (*et perfektivt tidsperspektiv*): *Он уехал в Париж* исходит из нынешнего состояния *Он в Париже* и именуется способ, каковым это состояние было достигнуто. Для китайского языка, наоборот, устанавливается «имперфективная временная перспектива», когда последовательно называются те процессы, которые привели к состоянию быть в Париже: *Tā zuò fēijī qù bāli* (дословно 'Он садиться самолет путешествовать Париж'). Для имперфективной перспективы категория грамматического времени оказывается излишней.

В сфере имени для русского языка характерны падежи, а для китайского классификаторы (примерно 80). Общность их функции состоит в противопоставлении внешней и внутренней реальности. Так, русск. *Дай мне деньги* (В. п.) предполагает локальную референцию. В китайском в этом случае используется классификатор. Русск. *Дай мне денег* (Р. п.) предполагает отсутствие локальной референции, чему в китайском соответствует отсутствие классификатора. Роль говорящего в этом типе языков сравнивается с ролью «репортера», внимание которого направлено на «ситуацию», о которой он пишет «в третьем лице».

Языки, ориентированные на говорящего, нацелены на вербализацию восприятия действительности говорящим, то есть указывается, сам ли говорящий наблюдал ситуацию, или же он о ней слышал, читал, или же логически ее реконструировал. Особая роль говорящего конституируется при помощи специальной модальной категории внутри индикатива, противопоставляющей прямое и косвенное восприятие ситуации. Приводятся примеры

такого противопоставления из болгарского, грузинского, турецкого, македонского, испанского и японского языков. Роль говорящего в этом типе языков сравнивается с ролью «комментатора», внимание которого направлено на «восприятие», о котором он говорит «в первом лице».

Языки, ориентированные на слушающего, нацелены на постоянное сопоставление говорящим своего восприятия ситуации или своего воспоминания о ситуации с восприятием и воспоминанием слушающего. Для языков этого типа характерна нюансированная система грамматических времен и противопоставление определенного и неопределенного артикля. В качестве примера приводятся датский, шведский, норвежский и английский языки. Роль говорящего в этом типе языков сравнивается с ролью «информатора», внимание которого направлено на новую «информацию», которую он представляет «второму лицу».

Название главы 7 «Разные голоса в датском и английском языке» связано с идеей автора о том, что реально в любом языке мира присутствует ориентация на денотативную реальность, говорящего и слушающего. Однако «ведущим голосом», настраивающим грамматическую систему языка, является тот, который нормативно используется в нейтральном или официальном речевом общении. Так, «голос», ориентированный на второе лицо, является доминантным для датского языка, однако в ситуациях неформального речевого общения возрастает роль модальных частиц (*nok, velnok* и др.), маркирующих взгляд на ситуацию с точки зрения говорящего. Точно также ряд узуальных явлений, типа нарушения стандартного порядка слов в придаточном предложении, подчеркивает субъективный взгляд на ситуацию, ср.: *Han sagde han ikke kom i morgen* и *Han sagde han kom ikke i morgen*.

В главе обсуждаются расхождения в глагольной системе датского и английского языков, хотя оба они ориентированы на слушающего. Объяснение автор видит в различии временной перспективы. Для английского характерна имперфективная временная перспек-

тива, когда датский отсылает к моменту коммуникации, а английский – к прошлой ситуации. Ср. реплику о старинной кукле в телепередаче: *Моя бабушка получила ее в 1894 году*, где датский язык использует норму перфекта: *Min bedstemor har fået den i konfirmationsgave i 1894*, а английский – форму простого прошедшего: *My granny got it as a gift in 1894*.

Автор подчеркивает, что для языков, ориентированных на слушателя, важно нюансированное противопоставление информации, как 1) отражающей объективный и конкретный опыт говорящего (в датском вводится особым глаголом *synes*), 2) его объективное и абстрактное знание (в датском вводится глаголом *vide*), 3) его субъективное и конкретное предположение (в датском вводится глаголом *tro*), 4) его субъективное и абстрактное мнение (в датском вводится глаголом *mene*). Эти дихотомии находят отражение в структуре грамматических категорий. Так, противопоставление конкретного опыта и абстрактного знания в датском языке грамматикализовано в противопоставлении форм синтетического и аналитического пассива: *Mange bliver fyret for tiden* '(Я вижу, что) многих сегодня увольняют', *Mange fyres for tiden* '(Я знаю, что) многих сегодня увольняют'. В английском языке это же противопоставление, по мнению автора, лежит в основе оппозиции форм прогрессивного и не-прогрессивного вида: *He is being polite* '(Я вижу, что) он вежлив', *He is polite* '(Я знаю, что) он вежливый'.

Представляется, что теория Пера Дурст-Андерсена, основанная на осмыслении влияния структуры коммуникации, а также перцептивных и когнитивных особенностей человеческого мозга на грамматическую семантику языков мира, вызовет заслуженный интерес среди отечественных лингвистов.

Д.Б. Никуличева

Сведения об авторе:

Дина Борисовна Никуличева
Институт языкознания РАН
nikoulitcheva@yandex.ru